

Часть первая

Мир двойственен по отношению к человеку в силу двойственности положения человека в нем.

Положение человека двойственно в силу двойственности основных слов, которые он способен высказывать.

Основные слова, строго говоря, не являются одиночными словами – они всегда представляют собой пары слов.

Одно из основных слов – словесная пара Я – Ты.

Другим основным словом является словесная пара Я – Оно; причем – без изменения основного слова – на место Оно можно подставить слова Он и Она.

Тем самым Я человека также имеет двойственную природу.

Ибо Я основного слова Я – Ты представляет собой нечто иное, нежели Я основного слова Я – Оно.

Основные слова не обозначают что-либо, а устанавливают связи.

Основные слова не высказывают того, что могло бы находиться вне их, но, будучи сказанными, устанавливают свою данность.

Основные слова высказываются самой сущностью индивида.

Когда произносится Ты, то одновременно произносится и Я словесной пары Я – Ты.

Когда произносится Оно, то одновременно произносится Я словесной пары Я – Оно.

Основное слово Я – Ты может быть произнесено только целостным существом.

Основное слово Я – Оно никогда не может быть произнесено целостным существом.

Не существует Я самого по себе, но существует только Я основного слова Я – Ты и основного слова Я – Оно. Когда человек произносит Я, он подразумевает одно из этих основных слов. Подразумеваемое человеком Я присутствует, когда он произносит Я. Также и когда он произносит Ты или Оно, в его высказывании присутствует Я одного или другого основного слова. Быть Я или произнести Я – одно и то же. Произнести Я – это то же самое, что произнести одно из основных слов.

Тот, кто произносит основное слово, вступает в него и находится в нем.

Жизнь человеческого существа не ограничивается одной только областью переходных глаголов. Жизнь не состоит из одной только деятельности, имеющей Нечто своим объектом. Я что-то воспринимаю. Я что-то испытываю. Я что-то себе представляю. Я чего-то хочу. Я что-то чувствую. Я что-то думаю. Человеческая жизнь состоит не только из всего того и подобного тому.

Все это и подобное этому лежит в основании царства Оно.

Однако царство Ты имеет иное основание.

Тот, кто произносит Ты, не имеет в виду своим объектом Нечто. Ибо там, где есть Нечто, есть и другое Нечто, и каждое Оно граничит с другим Оно, поскольку Оно существует только в том случае, если есть Нечто, с чем оно граничит. Однако произнесение Ты не подразумевает никакого Нечто. Ты не имеет границ.

Тот, кто произносит Ты, не располагает никаким Нечто, он не располагает ничем. Но зато он вступает в отношение.

Говорят, что человек познаёт мир через опыт. Что это значит? Это значит, что человек скользит по поверхности вещей и познаёт их. Из этого ощупывания он получает знание об их свойствах, извлекает опыт. Он познаёт свойства вещей.

Но не одним только опытом познаётся мир.

Ибо чувственные опыты представляют человеку только тот мир, который состоит из Оно, Он, Она, и снова Оно.

Опытом я познаю Нечто.

Ничто не изменится, оттого что к «внешнему» опыту добавляют опыт «внутренний», следуя преходящему разделению, каковое происходит из стремления рода человеческого притупить тайну смерти. Что внутренние, что внешние – это всего лишь вещи среди вещей!

Я познаю Нечто в опыте.

И ничего не изменится оттого, что к «явному» опыту добавляют «скрытый», «тайный», следуя самоуверенной мудрости, знающей сокровенную суть вещей, доступную только посвященным, и играющей ключом. О таинственность без тайны, о нагромождение сведений! Всюду Оно, Оно, Оно!

Познающий опытом непричастен миру. Опыт присутствует «в познающем», а не между ним и миром.

Мир непричастен опыту. Он позволяет познавать себя, но не включается в познание и ничем ему не помогает; от познания с ним ничего не происходит.

Мир как познаваемый опыт принадлежит основному слову Я – Оно. Основное слово Я – Ты образует мир отношения.

Есть три сферы, в которых строится мир отношения.

Первая – жизнь с природой. Это отношение неизъяснимо и зыбко колышется во мраке. Оно явственно шевелится перед нами, но не приближается к нам, и произнесенное нами Ты замирает на пороге слышимой речи.

Вторая – жизнь с людьми. Это отношение открыто и доступно речи. Мы можем отдавать и принимать Ты.

Третья – жизнь с духовными сущностями. Это отношение, окутанное облаками, но оно является в откровении, оно немо, но способно порождать речь. Мы не слышим Ты, но чувствуем, что нас зовут, и отвечаем, творя, мысля, действуя; всем нашим существом произносим мы основное слово, не умея сказать его нашим ртом.

Как же осмеливаемся мы включать в мир основного слова физически неизъяснимое?

В каждой сфере, сквозь всякое возникающее перед нами становление, видим мы грань вечного Ты, ощущаем его дуновение, каждым своим Ты обращаемся мы к вечности, посвоему в каждой сфере.

Я наблюдаю дерево.

Я могу воспринимать его как картину: неколебимый столб, выдерживающий напор света, или брызги зелени на фоне безмятежной серебристой синевы.

Я могу ощущать его как движение: соки, текущие по жилам, обвивающим устойчивую прочную сердцевину, дыхание листьев, бесконечную подвижную связь с землей и воздухом – и скрытый от глаз рост.

Я могу отнести дерево к определенному виду и наблюдать его как биологический экземпляр, оценивая его строение и образ жизни.

Я могу настолько сильно пренебречь его неповторимостью и формой, что стану воспринимать его как выражение некоторых законов – законов, согласно которым непрестанно сглаживается противодействие сил, или законов, согласно которым вещества то смешиваются, то вновь разделяются.

Я могу представить его числом, чистым численным соотношением, уничтожив его физически и увековечив в числе.

При всем том дерево останется воспринимаемым мною предметом с отведенным ему местом и сроком жизни, предметом с особым строением и особыми признаками.

По неведомой воле и милости может, однако, случиться так, что я, глядя на дерево, окажусь захваченным личным отношением к нему, и тогда дерево перестанет быть для меня Оно. В таком случае мною овладеет ощущение исключительности дерева.

При этом совершенно необязательно, что мне придется отбросить какой-либо из аспектов моего наблюдения. Не существует ничего, от чего мне пришлось бы отказаться, чтобы видеть; не существует такого знания, которое я должен был бы забыть. Более того, все: образ и движение, вид и экземпляр, закон и число – все это сольется в неразделимом единстве.

Все, что принадлежит дереву: его форма и его механические свойства, его взаимодействие со стихиями и с небесными светилами, – остается при нем в целостном единстве.

Дерево – это не мое впечатление, не игра моего воображения, не плод моего настроения – оно предстает передо мной телесно, оно влияет на меня так же, как я на него, но только по-другому.

Нельзя пытаться лишить жизненной силы смысл отношения: отношение по своей природе взаимно.

Так не может ли дерево обладать сознанием, подобным нашему? Я не могу показать это опытом. Вы снова хотите, уверовав в удачу, разложить неразложимое? Передо мной стоит не душа дерева, не дриада, а именно само дерево.

Если я стою перед человеком и воспринимаю его, как мое Ты, обращаю к нему основное слово Я – Ты, то он, этот человек, не является вещью среди других вещей, и он не состоит из вещей.

Он не является ни Он, ни Она, он не отграничен от других Он и Она; он не является фиксированной точкой пространственно-временной сети; Ты не есть поддающееся опытному исследованию и доступное описанию свойство, это не рыхлый пучок имеющих названия признаков. Он не граничит ни с чем, он есть полностью Ты и заполняет собой весь небесный круг. Дело, однако, не в том, что, кроме него, ничего не существует; нет, но все другое живет в его свете.

Мелодия не состоит из тонов, стихотворение не состоит из слов, скульптура не состоит из линий; для того чтобы превратить единство каждого из этих предметов во множественность, придется растащить их и разорвать на части; так же обстоит дело и с человеком, которому я говорю Ты. Я могу отнять у него оттенок его волос, оттенок его речи, оттенок его доброты; мне придется делать это снова и снова, но от этого он перестанет быть Ты.

Не молитва совершается во времени, а время в молитве, не жертва совершается в пространстве, а пространство в жертве, и тот, кто опрокидывает это отношение, уничтожает действительность; так и человека, которому я говорю Ты, не обнаруживаю я в каком-либо Когда и Где. Я могу переместить его туда, и мне придется делать это снова и снова, но только в образе Он, или Она, или Оно, но это уже не будет мое Ты.

Пока надо мной простирается небо Ты, ветры причинности стихают у моих ступней и истощаются водовороты судьбы.

Я не познаю в опыте человека, которому говорю Ты. Однако я состою с ним в отношении внутри священного основного слова. Только выходя из него, я снова могу познавать его в опыте. Приобретение опыта возможно лишь на удалении от Ты.

Отношение может сохраняться, даже если человек, которому я говорю Ты, не воспринимает его, погруженный в свой опыт. Ибо Ты есть нечто большее, чем осведомленность Оно. Ты делает нечто большее, чем знает Оно. Сюда не проникает обман: здесь колыбель настоящей жизни.

Это вечный источник искусства – когда перед человеком предстает образ, желающий через этого человека стать произведением. Оно не есть порождение души – оно проявление представшего образа, и это проявление требует от человека действительного мастерства. Это зависит от деяния человека: исполнит ли он это деяние, обратит ли от всего своего существа основное слово к проступающему образу, – и если он это сделает, то польется из источника творящая сила, возникнет произведение.

Деяние предполагает жертву и риск. Жертва: безграничная возможность, принесенная на алтарь образа; все, что до этого играючи пересекало перспективу, должно быть отброшено, ибо ничто постороннее не смеет проникать в произведение. Риск: основное слово может быть произнесено только и исключительно целостным существом; тот, кто отдает себя, не смеет ничего удерживать для себя; произведение не потерпит, чтобы я – в отличие от дерева и человека – предался успокоению и безмятежности мира Оно: если я не буду ревностно ему служить, оно разрушится или разрушит меня.

Я не могу ни исследовать опытом, ни описать представший передо мной образ – я могу лишь воплотить его. Но я смотрю на него в блеске сияния более яркого, чем все сияние доступного чувственному опыту мира. Не как на вещь среди «внутренних» вещей, не как на абрис моего воображения, а как на нечто существующее в реальности здесь и сейчас. При попытке исследовать образ на предмет физического существования выяснится, что он «отсутствует», но что может быть более неколебимым, нежели его существование здесь и сейчас? И это реальное отношение, в котором я с ним состою; произведение воздействует на меня, а я – на него.

Творение есть исчерпание, изобретение есть обнаружение. Создание формы есть ее открытие. Воплощая, я раскрываю. Я перевожу образ в мир Оно. Законченное произведение есть вещь среди вещей, есть сумма доступных исследованию и описанию свойств. Но для созерцающего и чувствующего оно раз за разом предстает во плоти и крови.

– Что узнают в опыте о Ты?

– Ровно ничего. Ибо Ты невозможно познать в опыте.

– Что знают о Ты?

- Только всё. Ибо о нем не знают ничего единичного.

Ты сталкивается со мной по своему произволу и милости – его невозможно отыскать по желанию. Но то, что я обращаю к нему основное слово, есть деяние моего существа, мое сущностное деяние.

Ты встречает меня по своей воле. Но именно я вступаю с ним в непосредственное отношение. Это одновременно отношение выбранного и выбирающего, страдающего и действующего. Следовательно, действие всего существа как уничтожение всех частных действий, а таким образом, и всех, основанных на ограниченности восприятий частных действий, можно уподобить страданию.

Основное слово Я – Ты может быть высказано только целостным существом. Собранность и слияние в цельное существо невозможны через меня и невозможны без меня. Я становлюсь Ты; я говорю Ты, становясь Я.

Любая настоящая жизнь есть встреча.

Отношение к Ты непосредственно. Между Я и Ты нет ничего абстрактного, нет никаких предварительных знаний и фантазий; преображается и сама память, проваливаясь из частных в всеобщность. Между Я и Ты нет никакой цели, никакого вожелания и никакой антиципации; самое страстное устремление преображается, вырываясь из мечты в действительность. Всякое средство есть препятствие. Встреча происходит только там, где распадается любое средство.

Перед непосредственностью отношения всякое опосредующее становится ничтожным. Не имеет значения, может ли мое Ты стать Оно других Я («объектом всеобщего опыта») – именно вследствие влияния моего сущностного деяния. Ибо собственно граница, разумеется колеблющаяся и зыбкая, проходит не между опытом и не-опытом, не между данным и не-данным, не между миром реального бытия и миром ценностей, а пересекает все области между Ты и Оно – между настоящим состоянием и застывшей историей становления. Настоящее означает не точку, символизирующую мысленную фиксацию определенного момента истекшего времени, не видимость остановленного его хода – нет, действительное и наполненное настоящее существует лишь постольку, поскольку существуют динамически меняющаяся действительность, встреча и отношение. Только в нынешнем существовании Ты возникает настоящее.

Я основного слова Я – Ты, то есть Я, которому не противостоит Ты, то есть Я, окруженное множеством «содержаний», обладает лишь прошлым, но не настоящим. Другими словами, до тех пор, пока человек удовлетворяется вещами, каковы они познает опытом и каковыми пользуется, он живет в прошлом и его мгновение лишено присутствия; у него нет ничего, кроме предметов; предметы же существуют в прошлом.

Настоящее не есть нечто мимолетное и преходящее, настоящее – это нечто длящееся в ожидании. Предмет не является длительностью – он есть застывание на месте, содержание, прерывание, оцепенение, оторванность, утрата отношения, утрата присутствия.

Сущности обретают жизнь в настоящем, предметность живет в прошлом.

Эту основополагающую двойственность сущего невозможно преодолеть воззванием к «миру идей» как к третьей силе, стоящей над противоположностями. Ибо я говорю не о чем другом, как о реальном человеке, о тебе и обо мне, о нашей жизни и о нашем мире, а не о каком-то Я самом по себе или о бытии самом по себе. У реального же человека настоящая граница пересекает и мир идей.

Разумеется, тот, кто удовлетворяется тем, что познаёт опытом и использует мир вещей, в котором пребывает, воздвигает вокруг себя идейную пристройку или надстройку, где находит убежище и успокоение перед порывами ничтожности своего бытия. На пороге убежища он сбрасывает одежду постылой повседневности, облачается в льняные одежды и укрепляет свой дух созерцанием исконно сущего и должностующего бытия, к каковому его жизнь не имеет никакого отношения. Ему может быть приятно и провозглашать эти истины публично.

Однако воображаемое, постулированное и пропагандируемое Оно-человечество не имеет ничего общего с живым телесным человечеством, которому человек искренне говорит Ты. Самый благородный вымысел есть фетиш, самые возвышенные, но фиктивные взгляды являются порочными. Идеи не восседают на троне над нашими головами и не гнездятся в них; они скитаются среди нас и подступают к нам; достоин жалости тот, кто воздерживается от высказывания основного слова, но поистине подл тот, кто вместо основного слова обращается к идеям понятием или паролем, как будто это и есть их имя!

То, что непосредственное отношение включает влияние на окружающую предметность, становится очевидным на одном из трех примеров: сущностное деяние искусства определяет процесс, в ходе которого образ становится произведением. Окружающая предметность исполняется через встречу, через нее она входит в мир вещей, чтобы бесконечно действовать, бесконечно становясь Оно, но и одновременно, бесконечно становясь Ты, осчастливливая и воспаляя. Предметность «воплощается»; ее плоть вырастает из потока безграничного и не стесненного временем настоящего и ложится на берег сущего.

Не столь очевидно значение воздействия на отношение к Ты-человеку. Сущностный акт, который здесь воздвигает непосредственность, понимается, обычно, чувственно, а значит, не осознается. Чувства сопровождают метафизический и метапсихический факт любви, но не они его составляют и чувства которые его сопровождают, могут иметь абсолютно различную природу. Чувства Иисуса к одержимому суть нечто иное, нежели его чувство к любимому ученику; но любовь одна. Чувства «имеются» – любовь случается. Чувства живут в человеке, но сам человек живет в своей любви. Это не метафора – это реальность; любовь не соединена с Я так, чтобы она рассматривала Ты как «содержание» или объект; она находится между Я и Ты. Тот, кто этого не осознаёт, не осознаёт всем своим существом, тот не понимает, что такое любовь, хотя и может приписывать ей чувства, которые переживает, испытывает, выражает и которыми наслаждается. Любовь есть охватывающее мир влияние. Для того, кто находится в любви, кто смотрит в нее, люди освобождаются от пут обыденности; добрые и злые, умные и глупые, красивые и безобразные – один за другим они

становятся для него Ты, то есть освобожденными, вышедшими из темниц, единственными и неповторимыми, перед ним сущими; исключительность чудесно возникает снова и снова, и так он может воздействовать – влиять, помогать, исцелять, воспитывать, возвышать, освобождать. Любовь есть ответственность Я за Ты; здесь имеет место то, чего не может быть ни в каком чувстве, а именно равенство всех любящих, от самого малого до самого великого и от человека, защищенного блаженством включения в жизнь любимого существа, до того, кто на всю жизнь распят на кресте мира, кто совершил чудовищно невысказанное и рискнул – кто отважился любить людей.

Пусть останется тайной значение влияния в третьем примере, примере твари и ее рассматривания. Верь в простую магию жизни, во вселенское служение, и ты поймешь, что означают ожидания, высматривания и «вытянутая шея» твари. Всякое слово было бы здесь фальшивым, но присмотришься: эти существа живут здесь вокруг тебя, они живые, и к какому из них ты ни подойдешь, ты столкнешься с сущностью.

Отношение – это взаимность. Мое Ты влияет на меня так же, как я влияю на него. Мы учимся у своих учеников; наши произведения, наши труды создают нас. «Зло» становится откровением, когда его касается священное основное слово. Как воспитывают нас дети, как воспитывают животные! Необъяснимым образом вовлекаемся мы в поток всеобщей взаимности.

– Ты говоришь о любви так, словно это единственное чувство, существующее между людьми, но имеешь ли ты право брать в пример только любовь, если существует еще и ненависть?

– До тех пор, пока любовь «слепа», до тех пор, пока она не видит целостную сущность, она не является подлинным выражением основного слова отношения. Ненависть по самой своей природе слепа; ненавидеть можно лишь часть какого-либо существа. Тот, кто видит целостное существо и принужден его оттолкнуть, находится уже не в царстве ненависти, а в области, где возможность говорить Ты ограничена человеческой природой. Бывает, что человек не в состоянии сказать своему визави основное слово, которое всегда включает в себя отношение к этому человеку; тогда приходится отвергнуть либо другого, либо самого себя. Это преграда, в столкновении с которой познаётся относительность вступления в отношение, преодолеть которую можно только устранением преграды.

Однако непосредственно ненавидящий ближе к отношению, чем человек, лишенный и любви, и ненависти.

Однако возвышенная печаль нашей судьбы заключается в том, что каждое Ты нашего мира неизбежно становится Оно. Присутствие Ты в непосредственном отношении могло быть исключительным и уникальным, но со временем – оттого что выработало свой ресурс или потому что было лишь средством – Ты становится объектом среди других объектов, пусть даже самым благородным, но лишь одним из многих, объектом, помещенным в отведенные ему меры и границы. С одной стороны, произведение искусства есть воплощение в действительность, а с другой – лишение его действительности. Истинное созерцание скоропреходяще; природная сущность, которая только что открывалась в таинстве

обоюдного взаимодействия, снова становится доступной описанию, расчленению, упорядочению; становится точкой пересечения множества закономерностей. Да и сама любовь не может долго удерживаться в непосредственном отношении; она, конечно, продолжается, но в смене своих явных и скрытых проявлений (актуальности и латентности). Человек, бывший до этого уникальным и неразложимым на свойства, не просто был дан, но присутствовал, был доступен не опыту, но прикосновению, снова становится Он или Она, становится суммой свойств, доступным исчислению количеством. Я снова могу вычленишь из него цвет его волос, цвет его речи, цвет его добра, но, когда я могу это делать, этот человек больше не является моим Ты – Ты он был до этого или станет после.

Каждое Ты в мире, согласно своей сущности, обречено стать вещественным или, по крайней мере, время от времени проникаться вещественностью. На языке предметной реальности можно было бы сказать: каждая вещь в мире может явиться Я как его Ты, либо до, либо после своего становления в вещной ипостаси. Но язык предметной, объективной реальности улавливает лишь видимую вершину реальной, действительной жизни.

Оно – куколка, Ты – бабочка. Но эти состояния не всегда упорядоченно сменяют друг друга – часто это запутанный процесс, глубоко двойственный по природе.

Отношение есть начало всего.

Можно рассмотреть язык «первобытных народов», то есть тех народов, среда обитания которых осталась бедна предметами и жизнь которых выстраивается в тесном круге проникнутых настоящим действий. Первичные клеточные ядра этого языка, слова-предложения, дограмматические праобразования, при разложении которых образуется все многообразие словоформ, выражают главным образом цельность отношения. Мы говорим «очень далеко», зулус же в этом случае говорит слово-предложение, означающее: «Там, где некто кричит: “О мать, я заблудился!”»; житель Огненной Земли перещеголяет нас в нашей аналитической премудрости семисложным словом-предложением, точный смысл которого таков: «Люди смотрят друг на друга и ждут, что кто-то другой вызовется сделать то, чего все хотят, но никто не может сделать». В этой цельности лишь рельефно намечены грамматические лица существительных и местоимений, которые пока еще лишены полной самостоятельности. Речь идет не об этих продуктах разложения и размышления – речь идет об истинном первоначальном единстве, истинно переживаемом отношении.

Мы приветствуем встреченного нами человека пожеланием добра, или уверениями в преданности, или призывом Бога ему в помощь. Но какими лишенными живой непосредственности являются эти заезженные формулы (это до сих пор чувствуется в «Хайль!», в возгласе, в котором изначально присутствовало наделение силой) в сравнении с вечно свежим, живым и пронизанным истинным отношением приветствием кафров: «Я тебя вижу!» – или его смешным и приземленным американским вариантом: «Чуешь меня?/Услышь мой запах!»

Позволительно предположить, что отношения и понятия, а также представления о личностях и предметах возникли из представлений о процессах и состояниях отношения. Стихийные, пробуждающие дух впечатления и возбуждающие воздействия, характерные

для «естественного человека», возникают из процессов отношения, переживания наличного объекта, из совместной жизни с ним. Естественный человек не думает о Луне, которую он видит каждую ночь; он не думает о ней до тех пор, пока она не привидится ему в ночном сне или дневной грезе, не предстанет перед ним телесно, не заморозит его передвижением по небу, не прольет на него свой свет – во зло или в сладостное благо. Из этого он запоминает не зрительное представление о блуждающем небесном диске и не представление о связанной с ним демонической сущности – сохраняется сначала моторный, пронизывающий тело образ-раздражитель лунного воздействия, из которого лишь постепенно начинает возникать и отделяться личностный образ влияющей Луны; собственно, только теперь начинает разгораться память о еженощно воспринимаемом и непознанном, превращаясь в представление о виновнике и носителе этого влияния; чувственное восприятие становится доступным объективации, происходит возникновение Он или Она на месте изначально недоступного для опыта, но лишь выстраданного всем существом Ты.

Из этого первоначального и длительно действующего характера отношения, свойственного всякому сущностному явлению, начинает вырисовываться усердно изучаемый современными учеными и всесторонне обсуждаемый, но пока не до конца понятый духовный элемент первобытной жизни, та таинственная сила, понятие которой в той или иной мере обнаруживается в первобытных верованиях и науке (на этом этапе и верования, и наука, по сути, одно и то же) многих первобытных народов; здесь речь идет о мана или об оренда[1], из которых ведет путь брахмана (в изначальном смысле этого слова), а также путь динамис и харис магических папирусов и путь апостольских посланий. Эту силу описывали как сверхчувственную и сверхъестественную, причем описывали, исходя из наших категорий, не свойственных мышлению первобытного человека. Границы его мира определяются его телесными переживаниями, к которым относятся и посещения умерших, представляющиеся ему совершенно естественными. Принимать за реальность то, что он не воспринимает чувственно, представляется ему противоречащим здравому смыслу. Явления, каковым он приписывает «мистическую силу», представляют собой элементарные процессы отношения, то есть вообще все процессы, заставляющие его думать, так как они возбуждают его телесно и оставляют в его памяти образ раздражения. Луна и мертвец, которые по ночам мучат или улаждают его, обладают такой силой; такой же силой обладает и обжигающее его Солнце, и воющий на него зверь, вождь, один взгляд которого принуждает его к повиновению, шаман, пение которого вселяет в него силы для охоты. Мана есть воздействующее, то, что превращает небесный лик Луны в волнуемую кровь Ты; след воспоминания о ней остается, и от образа-стимула отделяется предметный образ, хотя сам он всегда считается не чем иным, как виновником и носителем силы; человек, обладающий этой силой в виде, например, магического камня, может действовать и сам таким же образом. У первобытного человека магическая «картина мира» не потому, что ее центром является человек, способный к волшебству, но потому, что эта способность есть лишь особая часть всеобщей волшебной силы, порождающей всякое сущностное воздействие. Причинность его картины мира не представляет собой континуум; эта причинность проявляется как следующие друг за другом дискретные вспышки и выбросы действующей на самоё себя силы, как вулканическая деятельность, не подчиняющаяся никакой последовательной логике. Мана – это первобытная абстракция, возможно более примитивная, чем число, но не более сверхъестественная, чем оно. Дисциплинируемая

самообучением, память выстраивает последовательность великих событий отношения, стихийных потрясений: выступает вперед, возвышается, приобретает самостоятельность как самое важное для инстинкта самосохранения и самое необычное для инстинкта познания; незначительное, необщее, изменчивое Ты частных переживаний отступает на задний план, изолируется в памяти, мало-помалу овеществляется и объединяется в группы и виды; как нечто третье, ужасающее своей обособленностью, призрачностью – пожалуй, большей, нежели призрачность Луны и даже мертвеца, но неумолимое в своей реальности предстает как устойчивый, вечно остающийся тождественным самому себе партнер – Я.

Осознанное Я так же мало связано с инстинктом «само»-сохранения, как и с другими инстинктами: не Я хочет размножаться, а тело, не знающее пока никакого Я; не Я, а тело хочет делать вещи, орудия, игрушки, тело хочет быть «созидателем»; и в первобытной познающей функции невозможно отыскать *cognosco ergo sum* [познаю, следовательно существую (лат)] у познающего в опыте субъекта даже в наивной, инфантильной форме. Я стихийно возникает из расщепления первоначальных переживаний, животворящих изначальных слов «Я-воздействующее-на-Ты» и «Ты-воздействующее-на-Я» после субстантивации и опущения причастия «воздействующее».

Фундаментальная разница между двумя основными словами в духовной истории первобытных народов выявляется в том, что она заявляет о себе уже в изначальном событии отношения Я – Ты, то есть до того, как человек осознает свое Я, причем основное слово Я – Оно вообще обусловлено этим осознанием, возможностью обособления Я.

Действительно, первое основное слово разбивается на Я и Ты, но возникло оно не из их соединения – оно предшествовало Я; второе же основное слово возникло из соединения Я и Оно, и это второе основное слово возникло после обособления Я.

В первобытном событии отношения заключено Я – вследствие его исключительности. Так как событие отношения по самой своей природе во всей полноте реальности содержит только двух партнеров – человека и его визави, так как мир в этом событии становится дуалистичной системой, человек ощущает в ней космическую патетику Я, хотя и не осознаёт этого.

Однако Я еще не включено в природную данность, которая переходит в основное слово Я – Оно, в приобретаемый Я опыт. Эта данность являет собой отделенность человеческого тела – носителя ощущений – от окружающего его мира. Тело учится познавать и различать себя в этой особости, но различение остается в пределах чистого сопоставления и поэтому не способно усвоить имплицитный характер глубинного Я.

Но когда Я вышло из отношения и стало существовать в своей обособленности, оно разбавляется и приобретает функциональность, переходит в естественное состояние отделенности тела от окружающего мира и пробуждает ощущение собственного «я». Только теперь может возникнуть осознанное действие Я, первый образ основного слова Я – Оно: обособившееся Я объявляет себя носителем ощущений, а окружающий мир – их объектом. Это происходит «первобытно», а никоим образом не в «теоретико-познавательной» форме; предложение «Я вижу дерево», впервые произнесенное в таком виде, рассказывает не об

отношении между человеком-Я и деревом-Ты, а о сознательном восприятии дерева как предмета; между субъектом и объектом, тем самым воздвигается преграда; впервые произносится слово разделения – основное слово Я – Оно.

– Но, значит, скорбь нашей судьбы возникла уже в самом начале праистории?

– Да, конечно, потому что осознание жизни сопровождает человека с самого начала его истории. Но в осознанной жизни становление человека есть лишь повторение мирового бытия. Дух появляется во времени как результат, даже как побочный продукт природы, но именно он присутствует в ней изначально, вне времени.

Противопоставление основных слов в разные времена и эпохи имело множество наименований, но в своей безымянной истине оно присуще творению.

– Итак, ты веришь, что праисторические времена были раем для человечества?

– Они могли быть и адом – и наверняка так оно и было; насколько я могу проследить ход истории, те времена были наполнены злобой и страхом, мучениями и жестокостью, – но они были живыми и реальными.

Встречи первобытных людей отнюдь не отличались смиренным благорасположением, но лучше насилие над реальным живым существом, чем призрачная забота о безликих числах! От первого пути ведет к Богу, от второго – в ничто!

Жизнь современного первобытного человека, даже если мы смогли бы полностью ее понять, может послужить лишь несовершенным подобием жизни реального древнего первобытного человека; мы можем лишь бегло взглянуть на осуществление во времени связи между обоими основными словами. Более полные сведения мы получаем от ребенка.

Здесь нам с предельной ясностью открывается тот факт, что духовная реальность основных слов возникает из реальности природной: реальность основного слова Я – Ты – из природной связи, реальность основного слова Я – Оно – из природного же разделения.

Жизнь ребенка до рождения представляет собой чисто природную, физическую связь с матерью, телесный обмен с нею; при этом жизненный горизонт развивающегося существа уникальным образом вписан в горизонт вынашивающего существа, но одновременно и не вписан; дело в том, что плод покоится не только в материнском чреве. Связь плода общемировая, общемировая настолько, что предполагает как бы неполное, тревожащее душу прочтение древних писем; в еврейской мифологии утверждается, что в материнском чреве человек знает вселенную, а после рождения ее забывает. Эта связь остается в человеке как втайне желаемый образ. Но тоска эта не означает стремления вернуться, что воображают себе те, кто в духе – который они путают со своим интеллектом – видит паразита природы; нет, это устремление не паразит, а духовный цветок. Эта тоска устремлена к связи выброшенного в мир существа с общемировым, своим подлинным Ты.

Каждое находящееся в процессе становления человеческое дитя покоится в чреве великой Матери, нерасчлененного, не имеющего формы прамира. Отделившись от этого мира, оно

вступает в личную жизнь, и только в ночные часы мы в здоровом сне ускользаем от нее и снова приближаемся к прамиру. Но такое освобождение не происходит внезапно и катастрофично, как при выходе из материнской утробы; человеческому ребенку дается срок для того, чтобы заменить утраченную природную связь с миром связью духовной. Ребенок из раскаленной тьмы хаоса вступает в холодный свет Творения, но оно пока не принадлежит ему; он еще должен его уловить, сделать действительным; он должен увидеть свой мир, услышать, прикоснуться к нему, воссоздать его для себя. Творение раскрывает свой образ при встрече; оно не откроется ожидающему чувству – оно встает навстречу принимающему чувству. То, что состоявшемуся человеку представляется привычным окружением, дается находящемуся в процессе становления человеку напряженным действием, завоеванием; ни одна вещь не является составной частью какого-то опыта, ничто не раскрывается иначе, как во взаимодействии с силой предстоящих человеку объектов. Так же как первобытные люди, ребенок живет в промежутках между периодами сна (при этом и само бодрствование его мало чем отличается от сна), во всполохах и в отблесках встречи.

Изначальность стремления к встрече выказывает себя уже на самой ранней, самой темной ступени. Прежде чем может быть воспринята единичность, неосмысленный взгляд пробивается сквозь туманное пространство к неопределенности; в моменты, когда, очевидно, нет потребности в пище, нежные, несовершенные ручки что-то ищут – по видимости, бесцельно хватают воздух и тянутся к чему-то неопределенному. Мы не поймем сути этих движений, если попытаемся объяснить их животным инстинктом. Ибо даже такой взгляд после долгих попыток остановится на красной арабеске обоев и не оторвется от нее, пока не разгадает душу красного узора; именно таким движением достигает ребенок прикосновения к лохматому игрушечному мишке, постигая осмысленную форму и определенность; при этом ребенок открывает и любовно и навсегда усваивает цельность тела; и то и другое не суть опытное познание предметов, но обнаружение своего положения – разумеется, лишь в «фантазии» – рядом с живо действующим предстоящим. (Эта «фантазия» вовсе не есть «одушевление всего» – это стремление сделать все своим Ты, стремление ко всеобщему отношению; там, где это инстинктивное стремление не живое, действующее предстоящее, а лишь его голое изображение или символ, это живое воздействие добавляется из собственной полноты.) Пока еще раздаются направленные в пустоту слабые нечленораздельные звуки; однако именно им суждено в один прекрасный день перейти в осмысленный разговор – пусть даже собеседником станет кипящий чайник, но это будет разговор. Многие движения, называемые рефлексорными, являются надежными инструментами созидания мира личности. Это ошибка – считать, будто ребенок сначала воспринимает предмет и только после этого вступает с ним в отношение; наоборот, первичным является стремление к отношению, сложенная лодочкой протянутая ладонь, в которую изливается предстоящее; второе – это отношение к предстоящему, прообраз изречения Ты; овеществление происходит позже при расщеплении изначальных переживаний, разделении связанных партнеров, и это есть становление Я. В начале всего стоит отношение – как категория сущности, как готовность, как вмещающая форма, как модель души; это априори отношения, врожденное Ты.

Пережитые отношения суть реализации врожденного Ты в тех Ты, с которыми ребенок сталкивается при встречах; то, что это Ты воспринимается как предстоящее,

воспринимается в исключительности и, наконец, достаивается высказанного основного слова, лежит в основании априорного отношения.

В инстинктивном влечении к контакту (в стремлении сначала тактильно, а затем и зрительно «прикоснуться» к другому существу) очень скоро выступает врожденное Ты; таким образом, этот инстинкт все более отчетливо подразумевает взаимность, «нежность»; однако и проявляющаяся позже тяга к роли творца (тяга к созданию вещей синтетическим или, если ничего не получается, аналитическим способом – ломая или разрывая) возникает путем того же механизма; происходит «персонификация» сделанного, возникает «разговор». Развитие души ребенка неразрывно связано с развитием потребности в Ты, с исполняющимися и неисполняющимися попытками удовлетворения этой потребности, с игрой его экспериментов и с трагической серьезностью его беспомощности. Истинное понимание этих феноменов подавляется при любой попытке свести их к более узким сферам, и достичь его (понимания) можно только рассматривая и обсуждая космическое и метакосмическое их происхождение – возникновение из нерасчлененного бесформенного изначального мира, из которого уже появился на свет телесный индивид, не располагающий до поры своим телом, еще не актуализированный, не вполне ставший сущностью, индивид, которому только предстоит постепенно развиваться через обретение отношений.

Человек становится Я, становясь Ты. Предстоящее появляется и исчезает, события отношений сгущаются и рассеиваются, и в этом чередовании раз за разом проявляется растущее осознание присутствия неизменного партнера, осознание Я. Правда, пока оно еще представляется вплетенным в ткань отношения, отношения к Ты, как постижение того, что стремится к Ты, но не является им, но его контуры проступают все сильнее до тех пор, пока не рвется связь и само Я на короткое мгновение, освободившись, не предстанет перед самим собой как перед неким Ты, чтобы тотчас овладеть собой и в полном осознании своей особенности вступить отныне в отношения.

Только теперь может возникнуть другое основное слово. Ибо хотя Ты отношения неуклонно бледнело, но от этого оно не становилось Оно в отношении Я, не становилось объектом несвязного восприятия и опыта, каковым оно отныне должно было стать, но становилось как будто Оно для себя, сначала незаметно, словно ожидая возрождения в новом событии отношения. И хотя созревающее к жизни тело, как носитель ощущений и исполнитель влечений, выделяло себя из окружающего мира, но делало это для ориентации, а не в абсолютном разделении Я и объекта. Теперь же на первый план выступает освобожденное, преобразенное Я, выступает из вещественной полноты, сжимаясь до точечной функциональности познающего и использующего материальный мир субъекта, обращается к «Оно для себя», завладевает им и составляет с ним другое основное слово. Человек, проникнутый сознанием своего «я» и говорящий Я – Оно, ставит себя перед вещами, но не предстоит им в потоке взаимодействия; склонившись над единичностями с объективирующей лупой для внимательного наблюдения или с объективирующим биноклем для панорамного упорядочивающего сцену осмотра, он изолирует единичности, не ощущая их исключительности, или соединяет их в наблюдении, не чувствуя их общемирового значения: первое он находит в отношении, второе – только исходя из отношения. Только теперь он в опыте познает вещи как сумму свойств: действительно, свойства оставались в его памяти благодаря пережитым отношениям, связанные с запечатленным в ней Ты, но

только теперь вещи для него выстраиваются из их свойств; только из воспоминаний об отношении человек – образно, мечтательно или силой мышления (в зависимости от наклонностей) – дополняет ядро, которое, охватывая все свойства, мощно открывалось в Ты, то есть субстанцию. Только теперь человек полагает вещи в пространственно-временную причинную связь, только теперь каждая вещь получает свое место, ход существования, меру и обусловленность. Хотя Ты есть явление пространственное, но является оно в пространстве исключительного предстоящего, а все остальное есть лишь фон, из которого оно выступает, и пространство не может быть его границей или мерой; Ты является и во времени, но во времени исполняющегося в самом себе процесса, который проживается не как частица непрерывной и строго упорядоченной последовательности, но в виде «длительности», интенсивное измерение которой может быть определено только из нее самой; Ты одновременно является и деятелем, и подвергающимся действию, но не является звеном в цепи причинностей; в своем взаимодействии с Я оно является началом и концом происходящего. Это есть основная истина человеческого мира: только Оно может быть упорядочено. Координировать вещи можно только после того, как они перестают быть нашим Ты и становятся нашим Оно. Ты не знает никакой системы координат.

Коль уж мы добрались до этого места, то необходимо сказать и еще кое-что, без чего эта частица основной истины превращается в никуда не годный обломок: упорядоченный мир не есть мировой порядок. Случаются моменты безмолвной проникновенности, когда мировой порядок видится как нечто реальное и настоящее. На лету хватаем мы тон, неразборчивая нотная запись которого и есть упорядоченный мир. Эти моменты бессмертны, но и одновременно преходящи; ни одно их содержание не сохраняется, но сила их сообщается творению и познанию человека, лучи этой силы проникают в упорядоченный мир и плавят его снова и снова. Так происходит в истории отдельного человека, так происходит и в истории рода.

Мир двойствен для человека в силу двойственности его отношения с миром.

Человек воспринимает окружающее его бытие, просто вещи и существа как вещи, он воспринимает происходящее окружающего мира, просто процессы и действия как процессы, вещи состоят из свойств, процессы – из моментов, вещи находятся в пространственной, а процессы – во временной сети мира, вещи и процессы ограничены другими вещами и процессами, измеряемые ими и сравниваемые с ними, – все это есть упорядоченный расчлененный мир. Этот мир в определенной мере надежен, обладает плотностью и протяженностью, его членение доступно наблюдению, его воспроизводят с закрытыми глазами, а проверяют – с открытыми; он здесь, он может прилегать к твоей коже или прятаться в твоей душе, если это больше тебе нравится; он остается с тобой по твоему произволу и милости, он остается исконно чуждым тебе – будь то вне или внутри тебя. Ты воспринимаешь его как свою правду, воспринимаешь его как «истину», он позволяет тебе себя принимать, но не отдается тебе. Посредством только такого мира ты можешь прийти к «взаимопониманию» с другими людьми, он готов – притом что для каждого другого он выглядит по-разному – быть для всех вас одним общим объектом, но в нем ты не сможешь встретиться с другими. Без него ты не сможешь выстоять в жизни, тебя поддерживает его надежность, но, умри ты в нем, ты будешь погребен в Ничто.

Или человек встречает бытие и становление как свое предстоящее (в смысле стоящее перед ним), как уникальную единственную сущность, встречает всякую вещь только как сущность; все, что существует здесь, раскрывается ему в происходящем, а то, что происходит, развертывается для него как бытие; ничто иное, только это, есть присутствующее в настоящем, и это охватывает весь мир; мера и сравнение исчезли; только от тебя зависит, сколько неизмеримого станет твоей действительностью. Встречи не выстраиваются в упорядоченный мир, но каждая из них является для тебя знаком мирового порядка. Встречи не связаны друг с другом, но каждая из них гарантирует твою связь с миром.

Представляющийся тебе таким мир ненадежен, ибо каждый раз кажется тебе новым, ты не можешь верить ему на слово; он лишен плотности, ибо в нем все пронизывает все; он лишен длительности, ибо приходит незванным, и исчезает, когда его удерживают; ты потеряешь его, если захочешь сделать обозримым. Он приходит, приходит, чтобы дотянуться до тебя; если он не дотягивается до тебя, если он не встречается с тобой, то он исчезает, но он возвращается, возвращается преображенным. Он находится не вне тебя, но прикасается к самым твоим основам; если ты скажешь «душа души моей», то скажешь не слишком много, но берегись впускать его в свою душу, ибо этим ты его уничтожишь. Он твое настоящее: только обладая этим миром, ты обладаешь настоящим; ты можешь сделать его своим объектом, познавать в опыте и использовать, ты должен делать это снова и снова, и теперь у тебя уже нет больше настоящего. Между тобой и им воцарилась взаимность отдачи: ты говоришь ему Ты и отдаешься ему, он говорит Ты тебе и тебе отдается. Ты не сможешь прийти к пониманию с другими относительно такого мира; ты остаешься один с этим миром, но он учит тебя встречаться с другими и учит переживать и переносить эти встречи; и он ведет тебя через милость своих приходов и через печаль уходов, он ведет тебя к тому Ты, в котором пересекаются параллельные по видимости линии отношений. Он не помогает тебе удержаться в жизни – он помогает только ощутить предчувствие вечности.

Мир Оно обладает связностью в пространстве и времени.

Мир Ты не обладает связностью в пространстве и времени.

Отдельное единичное Ты по необходимости должно стать Оно, когда закончится процесс отношения.

Отдельное единичное Оно может, войдя в процесс отношения, стать Ты.

Это суть два преимущества мира Оно. Они побуждают человека смотреть на мир Оно как на мир, в котором приходится жить и в котором можно жить, ибо он предоставляет нам возможность переживать острые ощущения, волноваться, раздражаться, делать и познавать. Моменты Ты проявляются в этой прочно зафиксированной и полезной хронике как чудесные лирико-драматические эпизоды, пусть исполненные соблазнительного волшебства, но опасные своими крайностями, ослабляющие испытанные связи, оставляющие больше вопросов, чем удовлетворительных ответов, расшатывающие безопасность, даже ужасающие, но абсолютно незаменимые. Поскольку человеку по необходимости приходится возвращаться из этих моментов «в мир», то, спрашивается, почему бы все время не оставаться в нем? Почему нельзя призвать к порядку выступающее к нам предстоящее и не вернуть его в объектный мир? Если мы не можем не говорить Ты

отцу, жене, то почему нельзя говорить Ты, имея в виду Оно? Произнести звук Ты органами речи – это еще не значит произнести ужасающее основное слово; даже прошептать душой любовное «ты» безопасно, ибо всерьез имеется в виду одно – познать в опыте и использовать.

Невозможно жить в голом настоящем, ибо оно уничтожило бы любого, если бы не было предусмотрено способа быстро и кардинально его преодолеть. Однако в голом прошлом жить можно, ибо только в нем и можно устроить жизнь. Надо лишь заполнять опытом и использованием каждое мгновение, и тогда прошлое перестанет причинять обжигающую боль.

Со всей серьезностью восприми следующую истину: человек не может жить без Оно, но тот, кто живет исключительно с ним, не является человеком.

Версия #2

Зверобой создал 2 декабря 2025 21:28:22

Зверобой обновил 21 декабря 2025 01:15:54